

Олег Овчинников

Трижды инициированная

Олег Овчинников

Трижды инициированная

«Автор»

2000

Овчинников О. В.

Трижды инициированная / О. В. Овчинников — «Автор», 2000

Под воздействием божественной кисти Создателя один за другим формировались ее органы чувств: слух, обоняние, зрение... Она осознала, что у нее есть сестры: странные, страшные, но все-таки, сестры. Именно они и сообщили ей ее имя: «Ио»...

© Овчинников О. В., 2000

© Автор, 2000

Содержание

(ритуал первый)	5
(ритуал второй)	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Олег Овчинников

Трижды инициированная

(ритуал первый)

По мере того, как под воздействием божественного резца Создателя... Нет, лучше – кисти. Чтобы не породить неуместные стоматологические ассоциации...

Так вот, по мере того, как под воздействием божественной кисти Создателя один за другим формировались ее органы чувств, отголоски окружающей реальность проникали в ее сознание, используя для этого все новые и новые лазейки.

Первым появился слух. Не сразу смогла она разделить доносящиеся до нее звуки на составляющие, вычленив из них основные, перестать отвлекаться на второстепенные. А когда она непостижимым образом – может быть, это пришла на помощь генетическая память? – обнаружила у себя способность интерпретировать получаемую таким образом информацию, составляя из звуков слова, то с удивлением поняла, что слышит чью-то речь.

– У каждого дела запах особый ты тракториста понюхать попробуй но лучше всего все же пахнут бомжи в их запахе нет полуправды и лжи его воспевает моя скромная лира он суть эманация данного мира... – говорило неизвестное существо.

Голос его был монотонным и неразборчивым. Существо сильно гундосило и проглатывало окончания. «У кажнага дела...» – примерно вот так. Вдобавок, в звучащей речи начисто отсутствовали знаки препинания, так что очнувшаяся далеко не сразу поняла, что слышит стихи.

Раздался громкий шелест бумаги, словно сквозняк трепал отслаивающиеся куски обоев, затем нечто продолжило декламацию.

– Прощай немытая россия страна бомжей страна ментов и вы ублюдки голубые и ты мой добрый старый тов всегда довольный сам собой своим окладом и страной.

– Сестра, заткнись, а? Без тебя тошно, – грубо, но беззлобно произнес другой голос.

– А я и так уже закончила, – без выражения отозвалась первая. «Захончилэ».

Теперь стало ясно, что существо, читавшее стихи, относится к женскому полу. Хотя по голосу это было трудно предположить.

Внезапно пришли запахи, принесся с собой соответствующие обонятельные ассоциации.

Пахло сильно и приятно...

(в этом месте рукопись украшает средних размеров клякса, но, в принципе, можно разобрать, что)

...здесь были и естественные запахи, которые она с удовольствием узнавала и классифицировала: пахло смолой, слегка подгоревшей жареной картошкой, шерстью какого-то домашнего животного; и искусственные: густой запах свежей краски, навязчивый – мятной жевательной резинки, и слабо ощутимый за ним – аромат недавно выкуренной сигареты. От этих запахов в сочетании с легкой вибрацией, которую она начала ощущать, ей стало гораздо уютнее.

Интересно, я тоже могу говорить? – подумала она.

Но попробовать не решилась.

– Ты уже слышишь? – обратился к ней чей-то незнакомый голос. Спокойный, тихий, вызывающий доверие. – Я вижу, что слышишь. Только отвечать пока не пытайся, ладно? Это бесполезно. Мне кажется, он специально оставляет нас немymi, пока не закончит первый этап. Чтобы не слышать наших воплей.

– Кто это он? – попыталась спросить она, но не нашла на своем лице ничего, что смогло бы сложиться в эти слова.

– Или не специально, – продолжил голос. Слова он произносил протяжно, делая ударение почти на каждой гласной в слове: «спЕцИАльно». – Иногда у меня возникает уверенность, что он вообще нас не слышит.

– Приготовься, он начинает, – тот же голос, но иная интонация: настороженность, и еще – самую капельку – злость. – Сейчас будет немножко больно. Не бойся, хорошо? Ты выдержишь.

От предостережений голоса ей стало не по себе. Когда же она поняла, что не может пошевелить ни руками, ни ногами – они были словно притянуты к телу веревками, хотя никакого постороннего давления она не ощущала – охватившее ее беспокойство, минуя стадию волнения, трансформировалось в панику, которая ватным одеялом окутала сознание, не пропуская наружу ни единой мысли, кроме: «Я не выдержу! Я никогда не знала боли, я не умею с ней бороться. Я не выдержу! Я буду кричать! Вот так: а-а-А!».

Но кричать она не могла. Даже когда нестерпимо резкая боль пронзила ее тело чуть пониже живота, заставив кровавым костром расцвести связанный с нервными окончаниями участок мозга. Даже когда боль расползлась по телу в стороны от эпицентра и стала настолько невыносимой, что она вообще перестала чувствовать всю нижнюю половину своего тела. Даже тогда она не произнесла ни звука. Вопило только ее сознание.

– Ну вот и все, – успокаивающе и с каким-то внутренним облегчением произнес знакомый голос. – Дальше так больно уже не будет. Только нудно и долбливо. – И добавил, невидимо улыбнувшись: – А ты молодец! Хорошо держалась. Я, когда была на твоём месте, сразу вырубилась.

Должно быть, ее травмированное сознание уцепилось за последнюю произнесенную фразу, восприняв ее, как указание к действию. Последнее, что она услышала, прежде чем погрузиться в глубокое забытие, была фраза, произнесенная уже четвертым, громким и бодрым голосом:

– Ну что, елы-палы, здравствуй что ли? А, сестра?

Если потом и было долбливо, она этого уже не чувствовала...

(ритуал второй)

Когда сознание вновь посетило ее, вместе с ним пришло чувство полной душевной опустошенности и... какой-то физической незаполненности, если можно так сказать.

Кроме того, она с удивлением поняла, что смотрит на окружающий мир своим единственным глазом.

Мир оказался намного меньше и... хуже, чем она успела себе представить, пока была слепой. По крайней мере та часть мира, которую она видела перед собой. А поскольку тело по прежнему не подчинялось ей, изменить точку зрения она не могла. Над ней был серый потолок с опасно нависающими ошметками штукатурки и коричневыми потеками в том месте, где потолок становился стеной. Стена, тоже серая, была оклеена старыми газетами, среди которых преобладали страницы еженедельника с подозрительным названием «Семь соток». Выцветшие листы стыковались друг с другом плохо, словно российские и американские космические станции. Еще на стене поверх газет висела бумага официального вида: то ли грамота, то ли диплом. Со своего места она смогла рассмотреть только заглавные буквы «ИТД». Буквы как будто подводили итог всей равномерно размазанной по стене информации и одновременно гарантировали ее продолжение. И т. д., и т. п., и проч.

Единственным элементом мебели, который она могла видеть из своего положения, была деревянная полка, на которой с некоторым изяществом были разбросаны несколько причудливо изогнутых гвоздей, пачка папирос «Три богатыря» и смятый кусок наждачной бумаги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.